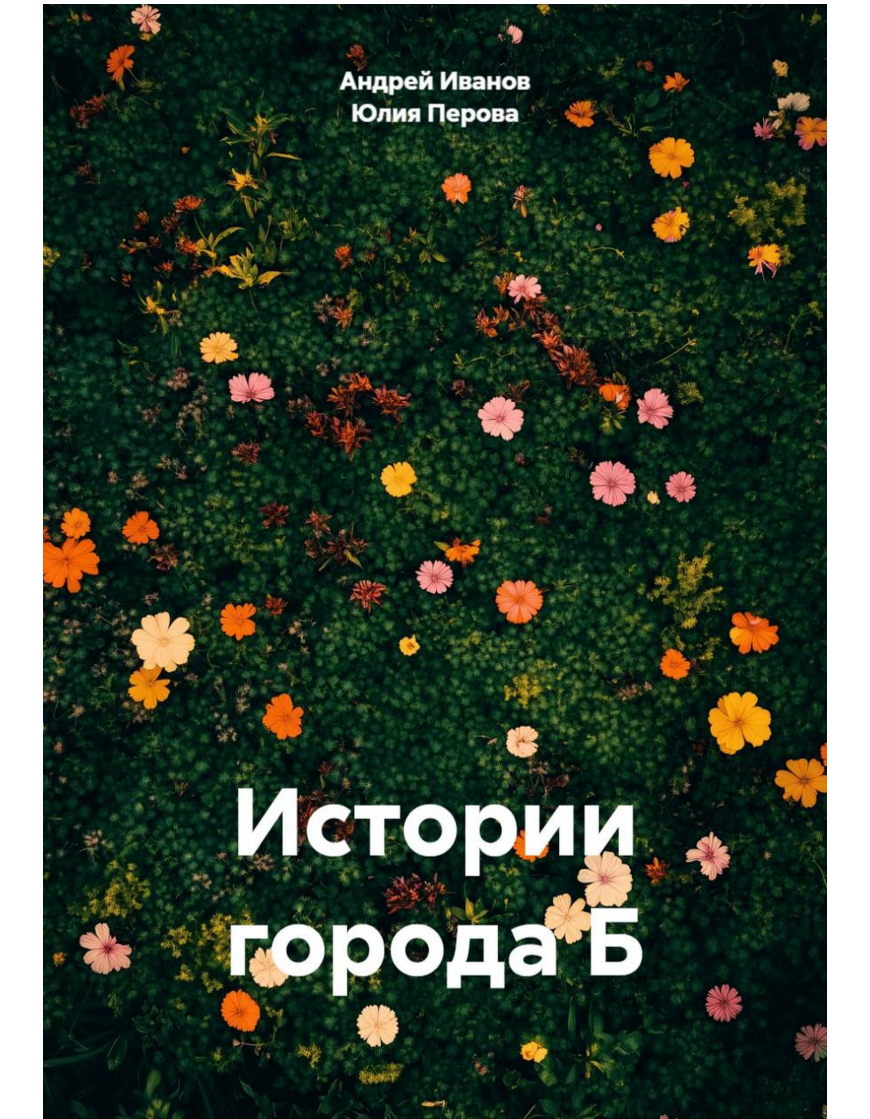

Андрей Иванов
Юлия Перова

Истории города Б

Андрей Иванов
Юлия Перова
Истории города Б

<https://litres.ru/74263934>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов «Истории города Б.» — это пронзительная и горькая хроника угасающей еврейской жизни в российской провинции. Это история о том, как одиночество становится неизбежностью, когда рушатся связи между поколениями и людьми. «Истории города Б.» — это элегия по уходящему миру, где даже самая маленькая душа заслуживает того, чтобы её проводили, пусть и с нарушением всех правил.

Книга написана с тонким юмором, щемящей грустью и глубоким психологизмом, напоминая нам о том, что человечность важнее любых ритуалов, а помнить — значит быть живым.

Содержание

Рассказ «Гоша»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Перова, Андрей Иванов Истории города Б

*«...И пусть мое имя будет ими
помянуто лучше со смехом, нежели
вообще не помянуто...»*

Шолом-Алейхем

Рассказ «Гоша»

Часть первая. Жизнь, которая закончилась заранее

Йогэв Бениаминович Векслер родился в 1972 году в городе Б., который в те годы назывался по-советски Борисов, а теперь называется снова Борисоглебск-на-Двине, но никто, кроме чиновников и картографов, этим названием не пользуется. Да и Западная Двина течет севернее. Городок стоял в сорока километрах от большого областного центра, с которым сросся дачными массивами, торговыми центрами и бетонными пробками. Район назывался «Сопки» — потому что настоящих сопок там не было, а были овраги и мусорные полигоны. Ирония.

Отец, Бениамин Векслер, работал инженером на заво-

де точной механики, мать, Сарра Исааковна, преподавала немецкий язык в педагогическом училище. Оба умерли рано: отец в девяносто третьем от инфаркта, когда Гоше был двадцать один год, мать в две тысячи первом от инсульта. Гоша остался один. Ни братьев, ни сестер. Двоюродные — в Израиле, в Германии, в Бруклине. Поздравительные открытки по электронной почте раз в полгода. Гоша переживал, но со временем привык. Один — ну и ладно.

Гоша — это от Йогэва. Так назвала мать, в честь деда, которого расстреляли в сорок первом под Минском. Йогэв — редкое имя, возможно библейское, колено Иуды, кто-то из мелких царей. Соседям имя резало слух, они переименовали в Георгия, потом в Гошу. Гоша и отзывался. В паспорте остался Йогэв, что иногда создавало проблемы на таможне — «это какой национальности имя?» — «еврейской», — «ааа, понятно».

Он был программистом, но не тем, который в «Яндексе», а тем, который чинит компьютеры в районном отделении пенсионного фонда. Деньги маленькие, стабильные, плюс подработки — настроить роутер бабушке, переустановить Винду дяде Вите из соседнего подъезда. Жил, как и все — в хрущёвке. В своей двухкомнатной квартире, заваленной системными блоками, кабелями, старыми жесткими дисками и книгами. Книги — фантастика, история, пара томов Торы в переводе Сончино, подаренных матерью на совершеннолетие.

Он не ходил в синагогу, не соблюдал шаббат, ел свинину в

виде докторской колбасы, потому что это было дешево, и не чувствовал ни стыда, ни гордости. Еврейство для него было как группа крови — есть, но не видно. Иногда он шутил: «Я еврей советского разлива — на выходные не работаю только потому, что выходные, а не потому, что суббота».

Он курил. Много. Лет с четырнадцати. К тридцати пяти — пачка в день. К сорока пяти — полторы, а то и две. Кашель, отдышка, но он отмахивался. В пятьдесят два — кровь в мокроте. Врачи в поликлинике сказали: «Рентген, КТ, онколог». Он сходил на КТ, через неделю ему позвонили и вежливо, как будто извиняясь, сказали: «Центральный рак правого легкого, метастазы в плевру и внутригрудные лимфоузлы. Химиотерапия, возможно, продлит».

Гоша посмотрел на телефон, сказал «понятно», повесил трубку и ушел курить на балкон. Потому что именно в этот момент ему больше всего в жизни захотелось затянуться. И он затянулся.

Он не стал лечиться. Не потому, что был героем или дураком. Просто у него не было ни денег, ни сил, ни желания стоять в очередях к онкологам, которые смотрят на тебя как на уже готовое дело. «Паллиатив», — сказал участковый терапевт, молодая женщина с усталыми глазами. Гоша кивнул. Ему выписали морфин в таблетках, потом в ампулах, потом сильный — омнопон. Инъекции он делал себе сам — научился быстро, иглы не боялся.

Последний год он почти не выходил из дома. Кашель стал

мокрым, глухим, как будто в груди булькало. Он худел стремительно — со ста десяти килограммов (был плотный, коренастый) до шестидесяти пяти. Кожа стала серой, натянутой на скулах. Он почти не брился, но мылся каждое утро — это было единственное, что он делал по расписанию.

Еда перестала быть нужной. Он пил бульон, иногда кефир. Соседка тетя Нина, украинка из Чернигова, работавшая уборщицей в той же пенсионной конторе, приносила ему борщ и вареники с картошкой. Гоша отказывался, потом брал, потом съедал половину и отставлял.

— Ты бы, Гоша, позвал кого, — говорила тетя Нина, вытирая слезящиеся глаза фартуком. — Ну, священника там, раввина. Нельзя же так.

— Нет у меня священника, тетя Нин, — усмехался Гоша и давился кашлем. — А раввин... в областной синагоге раввин есть, хороший мужик, из Пензы приехал. Только я у него не был никогда. Как я ему позвоню? «Здравствуйте, я ваш прихожанин, я вас ни разу не видел, а теперь умираю, придите меня отпеть»? Неудобно.

Тетя Нина вздыхала и уходила.

Часть вторая. Кто такой Ицхак Маркович

Ицхак Маркович Коган жил в областном центре, в старом доме с высокими потолками и трещинами на фасаде. Ему было пятьдесят шесть, он преподавал историю в университете — всеобщую, специализировался на периоде раннего Средневековья и каждый год читал студентам лекцию о

хазарах, которую сам считал лучшей.

Он был высоким, худым и слегка сутулым, с быстрыми живыми глубоко посаженными карими глазами за толстыми очками в роговой оправе. Не носил бороду, не носил пейсы — только бакенбарды до середины уха. Брился опасной бритвой, потому что так делал его отец. По субботам он работал — проверял курсовые, писал статьи в журнал «Вестник древней истории», потому что дедлайн, потому что «таки шо поделаешь, уважаемый, надо кормить семью». Семья — жена Зинаида Петровна, русская, бывшая коллега по университету, и две дочери — Маша и Белла, одна в Москве, другая в Тель-Авиве.

В синагогу он ходил регулярно — по пятницам вечером, если успевал, по субботам утром почти всегда. Синагога была в старом здании, бывшем кинотеатре «Заря», с наклейками на дверях на трех языках. Там собиралось человек двадцать — старики в потрепанных талитах, несколько мужиков средних лет, дети из еврейской воскресной школы. Ицхак Маркович приходил со своим молитвенником, своим талитом, занимал место у восточной стены — не потому, что коэн, а потому что привык. Раввин, молодой парень из Пензы, относился к нему с уважением — Ицхак Маркович знал текст наизусть, мог процитировать Раши, а в спорах о кашруте приводил такие доводы, что раввин только разводил руками.

— Ицхак Маркович, вы же ели шашлык у Армена? —

спросил его как-то раввин. — А Армен — не еврей, и шашлык не кошерный.

— Ел, — кивнул Ицхак Маркович, не отрываясь от страницы. — И не один раз. У Армена шашлык вкусный, не удержался. Немножко стыдно, но таки что поделаешь. Зато я не ем с арабской кухни. Это принципиально.

Раввин вздохнул и пошел учить детей буквам.

Ицхак Маркович играл на скрипке. Плохо, но с чувством. По вечерам, когда Зинаида Петровна смотрела сериалы, он уходил в свою комнату, натирал смычок канифолью и выводил «Скрипку Монти» или что-то из клезмера. Соседи жаловались, но не сильно — Ицхак Маркович всегда мог угостить их яблочным пирогом, который иногда пек по пятницам.

К смерти он относился с цинизмом, выработанным годами чтения исторических хроник. «Все умрут, — говорил он студентам. — Карл Великий умер. Чингисхан умер. Моисей Маймонид умер. Даже Ричард Львиное Сердце, который всем казался бессмертным, и тот тоже умер. А вам, молодые люди, и подавно предстоит. Поэтому не дрейфьте».

О Гоше он узнал случайно. Тетя Нина, уборщица, знала кого-то, кто знал кого-то. Через цепочку знакомств она вышла на председателя областной еврейской общины — пожилого дантиста, который в девяностые уехал в Германию, потом вернулся, потому что не прижился. Дантист дал телефон Ицхака Марковича: «Вот, Коган, он историк, он разберется».

Ицхак Маркович позвонил Гоше через два дня.

— Алло, Йогэв? — спросил он с акцентом, который сам не замечал. — Меня зовут Ицхак Маркович Коган. Вы меня не знаете, но я из общины. Мне сказали, вы болеете. Чем я могу Вам помочь?

Гоша на том конце провода долго молчал, потом сказал:

— Умираю я. Помочь ничем нельзя. Но вы не бойтесь, это не заразно.

— Ай-яй-яй, — вздохнул Ицхак Маркович. — Это не смешно. Я приеду завтра.

И положил трубку.

Гоша ещё долго смотрел на телефон, который лежал на столе. Потом перевёл взгляд на холодильник — на листок с номером фитотерапевта, который он нацарапал когда-то по просьбе тёти Нины, «на всякий случай». Тогда он думал, что этот номер никогда не пригодится. Так и не пригодился.

Он поднялся, пошёл на кухню, включил чайник. Рядом лежала пачка «Винстона», наполовину пустая. Гоша вытащил сигарету, но не закурил — просто держал в пальцах, пока вода не закипела. Мысль была дурацкая: «Перезвоню ему, скажу — не надо. Не хочу, чтобы меня видели таким. Вообще не хочу, чтобы меня видели. Пусть сгнию в этой конуре, и всё».

Но вместо этого он взял трубку и набрал номер.

— Алло, Ицхак Маркович? Это... Гоша... Я передумал.

На том конце молчали.

— Но не надо говорить мне, что всё будет хорошо. Я знаю,

что уже не будет. Просто приезжайте.

Он не услышал ответа — Ицхак Маркович что-то сказал, но Гоша уже положил трубку. Он чувствовал себя выдохнувшим, пустым, но почему-то спокойным. Взял ту сигарету, закурил. Кашель навалился сразу, мокрый, со свистом. Гоша докурил до фильтра и затушил о подоконник. Чайник уже остыл.

Ицхак приехал, как и обещал. На старой «Тойоте» с хрустящей подвеской, с пакетом мандаринов и банкой куриного бульона — Зинаида Петровна настояла. Вошел в квартиру, осмотрел горы системных блоков, понюхал воздух (пахло лекарствами, старыми носками и надеждой, которая ушла полгода назад), сел на табурет у кровати и сказал:

— Ну, Гоша (он сразу перешел на «ты» и на Гошу — потому что Йогэв звучало слишком официально), давай поговорим как мужчина с женщиной. Хоронить тебя кто будет?

Гоша слабо улыбнулся.

— А вы, что ли, будете?

— Я, — сказал Ицхак Маркович. — Не обижайся, но больше некому. Ты один. Тетя Нина — добрая женщина, но она гой и плакать будет на похоронах так, что земля промокнет. Это не по-еврейски. Надо, чтобы кто-то знающий читал.

— А вы знающий?

— Я историк. Я все знаю. И Тору читал, и Талмуд — не весь, конечно, но нужные места. Кадиш прочитать смогу, если миньян будет. А если не будет — ну что ж, значит, не

судьба. Но Псалмы прочту. Эль мале рахамим прочту. Ты только не бойся, Гоша. Смерть — это, между прочим, тоже часть жизни. Самая последняя, но часть.

Гоша кашлянул в кулак, на котором выступила кровь.

— Я не боюсь. Мне просто... жалко что-то. Не себя. А что так все вышло. Родители умерли, никого нет. Квартира останется государству. Диски мои никто не посмотрит.

— Государству, говоришь? — Ицхак Маркович нахмурился. — А завещание?

— Какое завещание. У меня ничего нет, кроме этой конуры и двух старых мониторов.

— Ну, мониторы можно пожертвовать в воскресную школу. Детям показывать, как устроен мир.

Они помолчали. В соседней квартире кто-то сверлил стену.

— Ты еврей, Гоша? — спросил Ицхак Маркович.

— Мать еврейка. Отец еврей. В советском паспорте в графе «пятый пункт» стояло «еврей». Я даже обрезан. В роддоме, правда, не по правилам, но врач был еврей, сказал, что всё правильно.

— Ну, значит, еврей, — кивнул Ицхак Маркович. — Будем хоронить по-еврейски. Насколько получится.

Часть третья. Смерть

Гоша умер примерно в четыре утра четвертого апреля 2026 года.

Как это было — никто точно не знает. Тетя Нина зашла к

нему в восемь утра с борщом и обнаружила, что Гоша лежит на спине, глаза закрыты, рот приоткрыт, руки на одеяле — правую он всегда клал поверх левой, когда спал. Он был еще теплый, но уже не дышал.

Тетя Нина заплакала. Потом позвонила в скорую. Потом — Ицхаку Марковичу, номер которого Гоша написал на листке бумаги и приклеил скотчем к холодильнику: «Если чо — звоните этому».

Ицхак Маркович приехал через час. Он был в старом свитере, небритый (перед субботой он обычно брился, но это была пятница, а он экономил время), с потрепанным молитвенником в кармане. Посмотрел на Гошу, перекрестился — не потому, что христианин, а потому что перенял привычку от Зинаиды Петровны, которая каждое утро крестилась на икону.

— Ну что, Гоша, — сказал он тихо. — Приехали.

Он позвонил в похоронное бюро. В маленьком городке было одно бюро, которое работало со всеми — православными, мусульманами, иудеями, атеистами. Хозяин, дядька лет шестидесяти с лицом уголовника и добрыми глазами, по фамилии Грищук, выслушал Ицхака Марковича и сказал:

— Еврейские похороны — это дорого, Ицхак Маркович. Тахара, саваны, доски из неструганого дерева. Вы готовы платить?

— У него нет денег, — сказал Ицхак Маркович. — У него вообще ничего нет.

— А у вас?

— У меня — зарплата профессора, вы представляете, какая это зарплата? Я еле-еле сам не помираю.

Гришук вздохнул. Он был не еврей, но в девяностых работал на еврейском кладбище сторожем, и раввин тогдашний — старый, с выцветшими глазами, переживший оккупацию — научил его некоторым вещам. Гришук помнил, как копал могилы для стариков, у которых не было родственников, как заворачивал тела в белую ткань, как потом читал по бумажке «Кадиш», хотя не понимал ни слова и не знал что это неправильно.

— Ладно, — сказал Гришук. — Сделаем за копейки. Но вы мне поможете. И молитвы читаете вы.

— Я прочитаю, — кивнул Ицхак Маркович.

Часть четвертая. Подготовка

Тахара — омовение тела — проводилась в морге. Морг был в подвале районной больницы, пахло формалином и чем-то сладким, гнилостным. Санитарка, тетя Клава, женщина с огромными руками и полным отсутствием брезгливости, смотрела на Ицхака Марковича с подозрением.

— Вы что, будете его мыть? — спросила она.

— Буду.

— Это не по нашим правилам.

— А по нашим — самое то, — сказал Ицхак Маркович.
— Вы только воду подайте, теплую. И полотенце чистое.
Тетя Клава пожала плечами и ушла за водой.

Ицхак Маркович остался один с Гошей. Тело лежало на цинковом столе, худое, серое, с провалившимися щеками. Он посмотрел на него и подумал: «Вот что делает с человеком рак. И что делает с человеком одиночество. А вместе — и давно».

Он надел перчатки — не ритуальные, а медицинские, других просто не было. Начал читать Псалмы вполголоса, на иврите, который сам выучил уже взрослым, с ошибками в произношении, но старательно. Он мыл Гошу по порядку: голову, руки, туловище, ноги. Вода текла теплая, пар поднимался к потолку. Ицхак Маркович едва не плакал — тихо, без всхлипов, редкие скупые мужские слезы смешивались с водой и уходили в сток.

Потом он облачил Гошу в тахрихим — белые льняные саваны, которые заказал у Грищука. Грищук достал их из старых запасов — еще с тех времен, когда еврейское кладбище работало. Саваны пахли нафталином и временем. Ицхак Маркович надевал их аккуратно: сначала нижний, потом верхний, потом повязал пояс — узел в форме буквы «шин», первой буквы имени Шаддай (Всемогущий).

— Прости, Гоша, — сказал он. — Не знаю, правильно ли я делаю. Но больше некому.

В гроб положили землю из Израиля — пакетик, который Ицхак Маркович хранил для себя. «Таки я старый, но пока что живой — подумал он. — Мне сейчас не понадобится. А ему — понадобится».

Часть пятая. Песах

Похороны назначили на восьмое апреля. Это был седьмой день Песаха — предпоследний день праздника в диаспоре. Ицхак Маркович знал, что в Песах не хоронят. Точнее — хоронят, но не копают, и не читают поминальные молитвы, и не говорят «Кадиш», потому что праздник. Но деваться было некуда. Если не сегодня — то после праздников, через два дня. А тело лежало в морге уже четыре дня.

— Гришук, — сказал Ицхак Маркович по телефону. — Мы не можем ждать.

— А что нам будет за то, что в праздник копаем? — спросил Гришук.

— Нам ничего. Ему — что-то, может быть. Но Тора говорит: «Похоронишь в тот же день». То есть — не откладывай. Праздник — это для живых. Мертвые ждать не должны.

Гришук не спорил.

В день похорон собралось пять человек: Ицхак Маркович, тетя Нина (плакала, как он и предсказывал), двое мужчин-гоев — соседи Гоши по лестничной клетке, дядьки лет сорока, которые приходили менять проводку и запомнили Гошу как «нормального мужика, хоть и жида», и ещё одна женщина — библиотекаря из районной библиотеки, у которой Гоша брал книги по истории и возвращал их с опозданием на полгода.

Ицхак Маркович посмотрел на них и понял: миньяна не будет. Даже если считать женщин (по реформистскому обы-

чаю), то женщин две — нужно восемь мужчин. А мужчин — трое, из которых только один он еврей.

— Ну что, — сказал он. — Будем как есть.

Могильщики — двое мужиков в грязных ватниках, с лопатами — стояли в стороне и курили. Один из них спросил.

— А чё это вы сегодня копаете? Праздник же. Пасха.

— Это наша Пасха, — сказал Ицхак Маркович. — Мы в этот день из Египта вышли. А хороним — потому что человек умер. Праздники не отменяют смерти.

Могильщики переглянулись, выбросили сигареты и взялись за лопаты. Ицхак Маркович помогал им копать. Он взял лопату — старую, с деревянной ручкой — и начал втыкать её в землю. Земля была еще холодная, апрельская, с прошлогодними корнями. Он копал и читал про себя Псалмы. Пот лил с него градом, очки запотевали. Тетя Нина пыталась отобрать лопату:

— Ицхак Маркович, вы же профессор! Что вы делаете?

— Профессор — не профессия, — ответил он. — Профессия — быть человеком.

Могила получилась неглубокой — потому что грунтовые воды близко, и потому что времени было мало. Грищук привез гроб — простые неструганные доски, сколоченные наспех. Гроб был сделан по правилам: без металла, без гвоздей (только деревянные шпонки), с отверстием внизу, чтобы тело сое-единилось с землей.

Они опустили гроб на веревках, едва не уронив. Ицхак

Маркович надел талит и прочитал «Эль мале рахамим» — молитву о душе, которая ушла. Голос его дрожал, акцент становился сильнее — он сам это чувствовал и злился на себя.

«Бог, исполненный милосердия, обитающий в высотах! Дай обрести покой, уготованный на крыльях Шхины, на высотах святых и чистых, лучащихся сиянием, подобным небосводу, — душе Йогэва, сына Бениамина, отошедшего в вечность...»

Он не знал, как звали мать Гоши — Сарра? Или нет? Он спросил у тети Нины, та не помнила. Ицхак Маркович добавил «и Сарры» про себя, тихо.

Он не прочитал «Циддук га-Дин» — молитву, в которой признают правоту Божьего суда. Не смог. Ему казалось неправильным стоять на сырой земле, над могилой человека, умершего в пятьдесят четыре года от рака, с пустыми руками и пустыми глазами, и говорить: «Ты праведен, Господь, в суде Твоем». Нет. Не праведен. Или праведен, но Ицхак Маркович не захотел этого признавать.

Кадиш он не прочитал — потому что для Кадиша нужен миньян. Он посмотрел на троих мужчин — себя, дядьку-соседа в спортивном костюме и второго соседа, который пришел на похороны во вьетнамках. «Десять, — подумал он. — Не хватает семи. Или пяти, если считать реформистов. Или... да ладно. Не прочитаю».

Вместо этого он, как положено, прочитал еще несколько Псалмов — 23-й, «Господь — пастырь мой», 91-й, «Живу-

ций под кровом Всевышнего». Это было не совсем по правилам, но лучше, чем ничего.

Часть шестая. Место

Проблема была с участком. Еврейского кладбища в городке не было — его окончательно разрушили еще в шестидесятых, на том месте построили гаражный кооператив. Единственное кладбище, где можно было хоронить, было общим — «городским», как его называли. Там была небольшая секция, где в девяностых хоронили евреев, но она заполнилась, а потом пришла в запустение. Новых мест там не выделяли.

Гришук предложил:

— Есть квадрат на третьей аллее. Там лежит чемпион страны по тяжелой атлетике, погиб в две тысячи третьем на сборах — штанга упала на голову. Смешно, да? Силач, а штанга. После него на этом квадрате никого не хоронили — место хорошее, «сухое», рядом сосна. Но там — не еврейская секция.

— Нам всё равно, — сказал Ицхак Маркович. — Нееврейская — так нееврейская. Главное, чтобы Гошу положили.

Он знал, что это нарушение. Еврей не должен лежать рядом с неевреем. Но в Талмуде есть мнение, что если нет другого выхода — можно. Или нет? Он не помнил. И решил не вспоминать вовсе.

Чемпиона звали Анатолий Сергеевич Шевченко. На памятнике у него был выбит гриф штанги и надпись: «Чемпион страны 1999, 2001, 2002. Трагически погиб на спортивном

посту». Ицхак Маркович посмотрел на могилу, вздохнул и сказал:

— Анатолий Сергеевич, примите соседа. Он тихий, не курит. Хотя курил. Но сейчас уже нет.

Часть седьмая. Памятник

Памятник поставили только через почти полгода. Простой — черный гранит, звезда Давида, имя и даты на русском и иврите. Ицхак Маркович заказал у местного каменотеса, бывшего художника, который пил и поэтому брал дешево.

На памятнике написали: «Йогэв Бениаминович Векслер (Гоша). 1972–2026. Покойся с миром».

Ицхак Маркович хотел добавить «пусть будет его душа увязана в узле жизни», но каменотес сказал, что это длинно, и за такие деньги — только звезда и имя.

Почти соблюдено — потому что памятник был с фотографией (так пожелала тётя Нина), да и потому что не было обряда открытия памятника – гмахат мацева. Не собрались родственники, не прочитали молитву, не разорвали одежду. Ицхак Маркович в тот день пришел один, помолился и поставил маленький камень на могилу (еврейский обычай — класть камень, а не цветы), постоял и ушел.

Часть восьмая. Траур, которого не было

Шиву — семь дней траура — соблюдать было некому. Квартира Гоши стояла закрытой. Ключи были у тети Нины, но она не знала еврейских обычаев. Она зажгла свечу на кухне — «за упокой», как делают православные — и поставила

стакан с водой накрыв его ломтиком «бородинского».

Ицхак Маркович не сидел шиву, потому что он не был родственником. По закону, он мог бы сидеть, если бы взял на себя обязательство — но зачем? Гоша не оставил никого. Траур превратился в пустоту.

Через месяц Ицхак Маркович поехал на кладбище. Могила осела — земля просела, образовалась ямка. Он выровнял её руками, наломал веток и положил сверху — чтобы звери не раскапывали. Покосившуюся табличку Ицхак Маркович протёр своим платком и поставил на место.

Он сел на траву рядом с могилой чемпиона и закурил. Он не курил почти никогда, но в кармане у него была пачка «Винстона» — Гошина, недокуренная. Ицхак Маркович затянулся, закашлялся, выругался на идише и сказал:

— Ну, Гоша, я сделал, что мог. Не всё по правилам. Но так — ты же сам был не по правилам. Ты жил как хотел, а не как надо. И умер, как хотел — тихо, один, без очередей. Может, это и есть правильная смерть. Не знаю. Я не раввин. Я просто учитель истории. А история учит, что все умирают. И что после смерти — тишина. Или не тишина. Это мы узнаем, когда сами... — он не договорил, затушил сигарету о подошву ботинка, поднялся и пошел к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.